УДК 902.01(470.331)"13"
DOI: 10.17223/19988613/68/6

В.А. Лапшин

ОРДЫНСКИЕ ПОСЛЫ В ТВЕРИ XIV ВЕКА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ («Древности»), проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Статья посвящена отражению летописного свидетельства о посещении Твери ордынскими послами в археологическом материале. Благодаря детальной дендрохронологической шкале влажного культурного слоя Тверского кремля стало возможно связать восточные импорты из горизонта 1364–1385 гг. с конкретным историческим событием. Уникальна находка в слоях третьей четверти XIV в. фрагментов четырех кашинных сосудов с росписью люстром, изготовленных в Иране в последней трети XII – первой трети XIII в. Такую керамику мог привести в Тверь золотоордынский аристократ, купивший / получивший ее в подарок в Иране. Это обстоятельство позволяет связать данные находки с посещением Твери ордынскими послами в 1370 г.

Ключевые слова: Тверь; Северо-Восточная Русь; Золотая Орда; дендрохронология.

Археология поселений в силу специфики накопления культурного слоя отражает длительные процессы и, за редчайшими исключениями, не позволяет судить о единичных событиях. Одному из таких уникальных случаев посвящена данная статья.

Сейчас Тверь – небольшой провинциальный город, расположенный недалеко от Москвы. В прошлом же Тверь – один из важнейших русских средневековых городских центров, столица Тверского княжества (1247–1485) и главный соперник Москвы в борьбе за политическое лидерство на Руси в XIV в. Оба центра относятся к числу относительно «молодых» городов: они основаны как небольшие пограничные крепости Владимирского княжества в середине XII в. (Москва) и начале XIII в. (Тверь). Поход Батыя 1238 г. привел к захвату и разрушению почти всех городов Северо-Восточной Руси, в том числе Москвы и Твери. Однако вторичному разрушению подвергались в 1252, 1281 и 1293 гг. прежде всего наиболее густо заселенное ядро земли и находившиеся в нем крупные и богатые Владимир, Суздаль, Переяславль, Юрьев, Ростов. Москва и Тверь, очевидно, внимания не привлекали как окраинные, малозначительные и бедные центры. Это, по-видимому, позволило им довольно быстро восстановиться. Во всяком случае, уже в 70-е гг. XIII в. на западной окраине Северо-Восточной Руси возникают два новых удельных княжества с центрами в Москве и Твери.

В 1993–1997 гг. на территории Тверского кремля были впервые проведены раскопки широкой площадью – 1400 м² (рис. 1) [1]. В центральной части средневековой Твери отложился так называемый «влажный слой», характерный для некоторых северорусских городов. Влажный слой образуется там, где его подстилают водонепроницаемые слои, исключаящие

естественный дренаж осадков. Культурный слой, насыщенный влагой, препятствует жизнедеятельности гнилостных бактерий и консервирует органические остатки – дерево, бересту, кожу, ткани. Но главная его ценность – хорошая сохранность бревен построек, мостовых и частоколов, ограждавших городские дворы. Материалы раскопа легли в основу дендрохронологической шкалы средневековой Твери [2–4].

При обработке материалов раскопа Тверской кремль-11 сделан ряд наблюдений, которые могут представлять интерес не только для занимающихся археологией Твери. Прежде всего следует не забывать, что результат дендроанализа – это дата рубки дерева, а не дата строительства. Каждая постройка переживает стадии строительства, функционирования и разрушения. Следовательно, археологический материал, с нею связанный, датируется некоторым периодом времени. Время разрушения постройки может быть определено по времени строительства перекрывающей ее более поздней постройки. Но такая дата не может не быть условной, так как при этом мы допускаем, что одновременно произошли три события: во-первых, разрушение ранней постройки, во-вторых, рубка леса для нового строительства (собственно дендродата); в-третьих, сооружение поздней постройки. На практике полное совпадение всех трех событий маловероятно. При новом строительстве часто использовались бревна из разобранных построек, что в еще большей степени затрудняет датирование комплексов. В некоторых случаях удалось зафиксировать факт ремонта (замены бревна нижнего венца). Все эти обстоятельства делают весьма проблематичной возможность точного датирования построек по единичным спилам.

Новгородская хронология построена на основе дендрошкалы уличных мостовых, которые в среднем

настилались каждые 20 лет. При этом находки, сделанные на городских усадьбах, соотносятся с мостовыми «по нивелиру» и соответствующим образом датируются. Исключение составляет Ильинский раскоп,

в который не попала средневековая улица, а в шурфе, заложенном на Ильинской улице, сохранились лишь нижние ярусы; поэтому строительные горизонты были выделены на основе датировки построек [5].

Рис. 1. «Фасад города Твери» Ивана Янцева первой половины XVIII века (РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 724 – фрагмент) до регулярной перепланировки 1760-х гг. 1 – место раскопа Тверской кремль-11

Эта система датирования очень удобна при обработке массового материала, но нельзя забывать о ее условности. По умолчанию предполагается, что жизнь новгородских усадеб синхронна со сменой ярусов мостовых. Однако это далеко не так. Первые опыты сопоставления строительных горизонтов усадеб с ярусами мостовых ближайшей улицы показывают, что они не совпадают [6, 7]. Синхронные изменения в застройке усадеб и мостовых происходят лишь в случае глобальных событий, например крупных городских пожаров.

В Твери мостовые не могут использоваться как основа хронологической шкалы. Они появляются только в конце XIV в., в верхней части влажного слоя, где дерево, как правило, сохраняется неудовлетворительно. Поэтому выбран принцип датирования строительных горизонтов по совокупности дат построек, составляющих усадьбу. При построении хронологической шкалы раскопа выделялись опорные постройки-комплексы с наибольшим количеством датированных спилков. Каждая постройка сопоставлялась с постройками вышележащего и нижележащего слоев. В результате этих стратиграфических и планиграфических наблюдений выделены горизонт поздних сооружений и 11 средневековых строительных горизонтов. Датировка горизонта включает младшие порубочные даты входящих в него комплексов, составляющие в сумме период строительства горизонта, и дату наиболее раннего из комплексов вышележащего горизонта как предел существования комплекса построек рассматриваемого горизонта. Как уже говорилось, последняя дата в определенной мере условна. Для получения представления о степени этой условности необходимо сравнить строительные горизонты с календарными датами. Таковую возможность дают летописные даты пожаров. Разница с летописными свидетельствами составляет от 1 года до 5 лет, что, учитывая описанную некоторую условность хро-

нологических границ строительных горизонтов, представляется вполне приемлемым.

Таким образом, для участка, раскопанного автором в Тверском Кремле, была выработана хронологическая «решетка», позволяющего датировать любую находку с точностью в среднем до двух десятилетий (рис. 2) [1. С. 85–86].

Во втором-третьем десятилетиях XIV в. основную часть раскопанного участка занимали три двора, разделенные частоколами. После большого пожара, связанного со штурмом города московским и ордынскими войсками в 1327 г., наблюдается запустение. Затем начинается строительство нового двора, занимающего территорию двух дворов предыдущего времени. В 60-е гг. XIV в. усадьба перестраивается и еще расширяется, занимая всю раскопанную территорию.

Эти городские дворы выделяются не только размерами, но и богатством и разнообразием находок. Особенно богат второй, более поздний и более обширный двор, функционировавший два десятилетия – с 1364 по 1385 г. (усадьба 5-A). Среди находок, характерных только для этого двора, – предметы с надписями, костяные печати – принадлежность княжеских чиновников, а также часть золотого креста-энколпиона (реликвария), находки уникальной по ценности и редкости, и предметы вооружения, снаряжения коня и всадника – украшения поясного набора и сбруи [Там же. С. 181–183].

Еще одна особенность этого двора – многочисленные находки восточных импортов, по-видимому, попавших в Тверь через Орду: египетское стекло, кашинная и колыбная керамика. Большая часть кашинной керамики представлена образцами, характерными для городов Золотой Орды XIV в. (рис. 3, 4). Но с этим двором связана и уникальная находка фрагментов четырех кашинных сосудов с росписью люстром, изготовленных в Иране в последней трети XII – первой

трети XIII в. (рис. 4, 4–5). По гипотезе В.Ю. Коваля, такую керамику мог привести в Тверь золотоордынский аристократ, купивший или получивший ее в подарок

в Иране, где только и могла храниться более 100 лет после изготовления эта раритетная и очень дорогая посуда [8. С. 291].

Рис. 2. Пространственно-хронологическая схема построек раскопа Тверской кремль-11: 1 – дендродата; 2 – комплекс дендродат одной постройки или частоккола; 3 – дендродата ремонта; 4 – период функционирования постройки или частоккола; 5 – пространственно-хронологическая схема городской усадьбы; 6 – летописный пожар

Рис. 3. Раскоп Тверской кремль-11. Постройки горизонта 5 (1364–1385) с графами связей между находками обломков, принадлежащих одним и тем же сосудам: 1 – деревянные конструкции; 2 – печи; 3 – поздние перекопы; 4 – фрагменты иранской люстровой фаянсовой чаши; 5 – фрагменты хорезмийской «штампованной» фляги; 6 – фрагменты полуфаянсовой чаши с полихромной (черно-синей) подглазурной росписью; 7 – отдельные фрагменты кашинной керамики

Рис. 4. Находки из раскопа Кремль-11. Вещи, попавшие в Тверь через Золотую Орду: 1-5 – поливная полихромная посуда; 6 – фрагменты приседельной фляги из колыбной керамики; 7-10 – кубки; 1-6 – кашин; 7-10 – стекло, цветные эмали

Кажется, предположение В.Ю. Ковалья можно конкретизировать. Один из эпизодов борьбы Твери и Москвы упомянут летописью под 1370 г., когда послы хана Каптагай и Тюзак привезли в Тверь ярлык на великое княжение князю Михаилу Александровичу, но не застали его – он вынужден был бежать от войск Дмитрия Московского в Литву [9. Стб. 92]. В этих условиях татарских послов должен был принимать глава администрации князя. Соблазнительно связать находки люстровой посуды, а также колыбной приседельной фляги с пребыванием на усадьбе татарских послов. Планиграфия находок фрагментов восточной посуды, в частности распределение фрагментов одних и тех же сосудов, хорошо иллюстрирует летописное извещие [8. С. 294. Рис. 57].

Время жизни на усадьбе 5-А (1364–1385) приходится на первую половину княжения Михаила Александровича (1368–1399). Хотя в целом тридцатилетнее правление князя характеризуется историками как время «укрепления политической независимости Твери» [10. С. 233–253], начало его было весьма беспокойным: первые семь лет своего правления Михаил почти не бывал в Твери. В этот период должна была укрепиться реальная власть чиновника, замещавшего великого князя в Твери. Золотой крест-энколпион указывает на очень высокий статус его владельца – представителя светской или духовной элиты. Позволим себе предположение, что таковым мог быть тверской тысяцкий.

Усадьба погибла в пожаре около 1385 г. Соответствующего летописного известия нет. На 1377–1382 гг. (6885–6890) приходится лакуна в тверском летописании [11. С. 81]. Возможно, на нее приходится и данный пожар. Во всяком случае, в 1386/1387 г. в Твери были сооружены дополнительные укрепления [12. С. 93]. Обычно всякого рода перестройки и перепланировки производились после больших пожаров.

На то, что это был не рядовой пожар, указывает и находка в нем нижней части золотого энколпиона. Украшения из драгоценных металлов в Средневековье часто шли в переплавку и использовались как сырье. Но совершенно невероятно представить, чтобы ремесленник разрубил крест, содержащий частицу мощей святого. Судя по обстоятельствам находки (нижние части створок найдены вместе, верхняя часть отсутствует), крест был разрушен на груди его владельца.

После 1385 г. застройка участка коренным образом изменилась: на месте большого двора возникла улица, разделяющая два обычных небольших городских двора. По-видимому, хозяин двора, а возможно, и вся его семья погибли.

Вот так через археологический контекст летописное событие 1370 г., когда тверской тысяцкий на своем дворе принимал ордынских послов, обретает материальное воплощение в богатом наборе находок, маркирующих высокий статус княжеского чиновника, и раритетной, очень дорогой посуде, привезенной в Тверь золотоордынским аристократом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб. : Изд-во филол. фак-та С.-Петерб. ун-та, 2009. 540 с.
2. Черных Н.Б., Карпучин А.А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XII–XV вв. // Российская археология. 2001. № 3. С. 46–54.
3. Черных Н.Б., Карпучин А.А. Результаты дендрохронологического исследования дерева построек из раскопа Тверской кремль-11 // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. : Европейский дом, 2001. С. 21–35.
4. Черных Н.Б., Карпучин А.А. Абсолютная дендрохронологическая шкала Твери XI – начала XX вв. // Российская археология. 2004. № 3. С. 68–78.
5. Колчин Б.А., Черных Н.Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода. М. : Наука, 1978. С. 57–116.
6. Петров М.И. К вопросу о формировании строительного яруса // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2008. Вып. 22. С. 108–120.
7. Петров М.И. Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. 2009. Вып. 23. С. 226–243.
8. Коваль В.Ю. Керамика востока в Тверском кремле // Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб. : Изд-во филол. фак-та С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 273–296.
9. Полное собрание русских летописей. М. ; Л., 1965. Т. XV. 432 с.
10. Ключевский В.О. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь : Риф, 1994. 432 с.
11. Малыгин П.Д. Средневековые письменные источники о топографии Твери // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. СПб. : Европейский дом, 2001. С. 80–100.
12. Полное собрание русских летописей. М. ; Л., 1965. Т. XI. 264 с.

Vladimir A. Lapshin, Institute of the History of Material Culture RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

HORDE'S AMBASSADORS IN TVER OF THE 14th CENTURY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL EVIDENCE

Keywords: Tver; North-Eastern Russia; Golden horde; dendrochronology.

This paper discusses the evidence of chronicles on the visit of the Golden Horde's ambassadors to Tver in the light of archaeological data. In 1993/1997, at the territory of the Tver Kremlin, first excavations in large areas (1400 m²) were conducted (Fig. 1) [1]. The materials from this excavation formed the basis of the dendrochronological scale of mediaeval Tver [2; 3; 4]. Owing to the detailed dendrochronological scale of the damp cultural layer of the Tver Kremlin (Fig. 2), it has become possible to link Eastern imports found in the building horizon of 1364–1385 with a particular historical event. In the second to third decades of the 14th century, the main section of the excavated area was occupied by three properties separated by stockades. After a strong fire effected by the storm of the city by Moscow and Horde forces in 1327, the desolation of the site is observed. Afterwards, the building of a new household begins occupying the territory of two properties of the precedent period. In the 1360s, this estate is reconstructed and expanded occupying the entire excavated territory. These urban properties are distinguished not only in their size but also in the richness and diversity of the finds. Especially rich is the second, later and more spacious, property which was functioning for two decades – since 1364 to 1385 (Estate 5-A). Among the

finds characteristic of this property there are objects with inscriptions and bone seals belonging to princely functionaries, as well as part of a gold encolpion cross (reliquary). These are objects unique in their value and rarity. Also weaponry, items of horse and rider's outfit, and ornaments of belt and bridle sets were uncovered [1. P. 181–183]. Items of the Golden Horde Kashi pottery and Syro-Egyptian glass are not uncommon in Tver of the 14th century (Fig. 3, 4). However the find of fragments of four Kashi vessels with lustre painting is unique. They were retrieved from deposits of the third quarter of the 14th century having been manufactured in Iran of the last century of the 12th – first third of the 13th century (Fig. 4: 4-5). Pottery of this type might have been brought to Tver by a Golden Horde aristocrat who bought it or received as a present in Iran where this rare and very expensive ware could solely have been kept for over 100 years after its manufacture. This circumstance enables us to connect these finds with the visit of the Golden Horde khan's ambassadors Kaptagay and Tyuzak to Tver in 1370. They brought there a yarlyk (special credentials) for grand reign of Prince Mikhail Aleksandrovich but did not find the latter who had to flee to Lithuania from the troops of Dmitry of Moscow. The time of occupation of estate 5-A (1364–1385) falls on the first half of the reign of Prince Mikhail Aleksandrovich (1368–1399). Although, in general, the thirty-year rule of this prince is characterised by historians as the time of 'the strengthening of the political independence of Tver' [10. P. 233–253], its beginning was rather troublesome: the first seven years of his reign, Mikhail almost never visited Tver. During that period, the real power of the functionary filling in for the Grand Prince in Tver must have been strengthened. The gold encolpion cross indicates a very high status of its owner as a representative of the secular and religious elite. It seems appropriate to suppose that this was the Tver tysyatsky who did receive the Horde's ambassadors in the absence of the Prince.

REFERENCES

1. Lapshin, V.A. (2009) *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopa Tverskoy kreml'-11, 1993–1997 gg.)* [Tver in the 13th – 15th centuries (based on excavations made in 1993–1997)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Chernykh, N.B. & Karpukhin, A.A. (2001) Absolyutnaya dendrokronologicheskaya shkala Tveri XII–XV vv. [Absolute dendrochronological scale of Tver in the 12th – 15th centuries]. *Rossiyskaya arkhologii – Russian Archaeology*. 3. pp. 46–54.
3. Chernykh, N.B. & Karpukhin, A.A. (2001) Rezultaty dendrokronologicheskogo issledovaniya dereva postroek iz raskopa Tverskoy kreml'-11 [Results of dendrochronological study of the lumber from the Tver Kremlin-11 excavation]. In: Beletsky, S.V. & Lapshin, V.A. (eds) *Tverskoy kreml': kompleksnoe arkhologicheskoe istochnikovedenie* [The Tver Kremlin: a comprehensive archaeological source study]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. pp. 21–35.
4. Chernykh, N.B. & Karpukhin, A.A. (2004) Absolyutnaya dendrokronologicheskaya shkala Tveri XI – nachala XX vv. [Absolute dendrochronological scale of Tver in the 12th – early 20th centuries]. *Rossiyskaya arkhologii – Russian Archaeology*. 3. pp. 68–78.
5. Kolchin, B.A. & Chernykh, N.B. (1978) Il'inskiy raskop (stratigrafiya i khronologiya) [Ilinsky excavation (stratigraphy and chronology)]. In: Kolchin, B.A. & Yanin, V.L. (eds) *Arkheologicheskoe izucheniye Novgoroda* [The Archaeological Study of Novgorod]. Moscow: Nauka. pp. 57–116.
6. Petrov, M.I. (2008) K voprosu o formirovaniy stroitel'nogo yarusy [On the formation of building horizons]. In: *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and Archeology]. Vol. 22. Velikiy Novgorod: [s.n.]. pp. 108–120.
7. Petrov, M.I. (2009) Dnevnyaya poverkhnost': k probleme soglasovaniya plastov i yarusev [Daylight surface: on matching layers and tiers]. In: *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkhologiya* [Novgorod and Novgorod land. History and Archeology]. Vol. 23. Velikiy Novgorod: [s.n.]. pp. 226–243.
8. Koval, V.Yu. (2009) Keramika vostoka v Tverskom kremle [Ceramics of the East in the Tver Kremlin] In: Lapshin, V.A. *Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopa Tverskoy kreml'-11, 1993–1997 gg.)* [Tver in the 13th – 15th centuries (based on the materials from excavations made in 1993–1997)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 273–296.
9. Bychkov, A.F. (ed.) (1965) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. Moscow; Leningrad: [s.n.].
10. Klyug, E. (1994) *Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485 gg.)*. [Principality of Tver (1247–1485)]. Tver: Rif.
11. Malygin, P.D. (2001) Srednevekovye pis'mennye istochniki o topografii Tveri [Medieval written sources about the topography of Tver]. In: Beletsky, S.V. & Lapshin, V.A. (eds) *Tverskoy kreml': kompleksnoe arkhologicheskoe istochnikovedenie* [The Tver Kremlin: a comprehensive archaeological source study]. St. Petersburg: Evropeyskiy dom. pp. 80–100.
12. Platonov, S.F. (1965) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. Moscow; Leningra: I.N. Skorokhodov.